

Бу Цзе открыл тканевый мешок, внутри которого находилось много серебра. Он знал, что его семья была чрезвычайно бедна и у них ничего не было. Это были деньги, спасающие жизнь его жены. Его взгляд был сложным, когда он смотрел на Чжэнь Вэньцзюнь, и он молчал, полагая, что у неё ещё есть что предложить.

Однако Чжэнь Вэньцзюнь не стала угрожать ему, как он ожидал, а вместо этого предложила повозку:

- Сейчас конец года и очень холодно. Твоя жена слаба, отвезите её поскорее домой.

Руки Бу Цзе задрожали, глаза наполнились слезами, и он сложил руки и громко сказал:

- Как только Бу устроит жену и детей, я вернусь к госпоже, чтобы понести наказание!

Несколько подручных Чжу Маосаня не выдержали и окружили повозку:

- Ты собираешься так легко отпустить его? Незаконный захват телег с зерном и похищение генерала - за любое из этого полагается смертная казнь. Как можно позволить этому разбойнику уйти?!

Бу Цзе, поддерживая свою жену, сказал с серьёзным выражением лица:

- Бу не тот человек, который нарушает своё слово! Я сказал, что вернусь, как только позабочусь о семье, значит, я обязательно вернусь!

- Тьфу! Да кто ты такой?! Я никому не верю, кроме собственного кулака! Ты посмел похитить генерала, ясно, что ты не знаешь мощи нашего Аннаньского войска.

- Верно! Мы не можем отпустить его. Если он сбежит потом, где мы его будем ловить? Мы ни в коем случае не можем его отпустить!

Эти головорезы всегда любили создавать проблемы и устраивать беспорядки. Если они не устроят какую-нибудь заварушку, то чувствуют себя не в своей тарелке. А теперь, когда появился реальный повод, они были готовы раздуть скандал до небес.

Чжэнь Вэньцзюнь сурово выкрикнула:

- А ну всем замолчать! В этом деле решать мне, и последствия разгребать тоже мне!

Она выхватила длинный меч и, направляя его острие прямо в носы наглым воякам, одного за другим предупредила их с такой решимостью, что стало ясно - рука у неё не дрогнет. Она приказала окружившим повозку расступиться и велела им сначала вернуть Чжу Маосаня и Линби. Но прежде всего она хотела своими глазами увидеть, как этот Бу Цзе в одиночку сможет благополучно пригнать все четыре тысячи повозок обратно в город.

Бу Цзе и впрямь не бросал слов на ветер, он оказался истинным мастером верховой езды. Под его командованием тысячи лошадей устойчиво поднимались из долины, а затем спускались по тропе к подножию горы без каких-либо происшествий.

По пути Чжэнь Вэньцзюнь продолжала спрашивать у Бу Цзе совета по технике укрощения лошадей. Тот отвечал кратко, постоянно с тревогой поглядывая в сторону жены. Чжэнь Вэньцзюнь видела, как сильно он спешит оказать помощь супруге, поэтому, добравшись до подножия горы, не стала его задерживать и позволила уйти первым.

Как раз когда Бу Цзе собирался уходить, прибыли Линби и Чжу Маосань с другими, все покрытые пылью и грязью. Увидев Бу Цзе, они так разозлились, что желали содрать с него шкуру заживо.

Последние несколько дней они были заперты Бу Цзе в глубоком подвале в долине. Стены подвала были смазаны жиром, что делало невозможным использование цингуна. Без лестницы никто не мог выбраться, и им приходилось есть, пить и справлять нужду вместе. Линби, будучи единственной молодой девушкой, оказалась заперта в одной «комнате» с такими типами, как Чжу Маосань, и от ярости едва не наложила на себя руки.

К счастью, Чжу Маосань не был из тех, кто пользуется чужим положением. Он даже выступил в роли защитника Линби, отвесив пощёчину подчинённому, у которого был похотливый взгляд. Затем он заставил всех мужчин снять верхнюю одежду и связать её вместе, чтобы сделать тканевую занавеску, разделив подвал на две комнаты. Линби осталась одна в импровизированной камере, куда никто не смел войти, а остальные двадцать с лишним человек теснились снаружи, вынужденные спать чуть ли не друг на друге.

Хотя у Линби и был свой угол, она провела несколько дней в этом зловонном подземелье, поэтому при виде виновника своих бед она пришла в неопишемую ярость. У Чжу Маосаня тоже усы встали дыбом от гнева. Чжэнь Вэньцзюнь с большим трудом удалось успокоить обоих и велеть Бу Цзе поскорее уходить.

- Дорогая сестрица, нам бы скорее вернуться да отмыться как следует. - Чжэнь Вэньцзюнь с брезгливым видом зажала нос. Как только Линби занесла ногу для удара, Чжэнь Вэньцзюнь ловко отскочила на добрых восемь чжанов. Линби, не попав по цели, едва не села на шпагат от инерции. Стоявший рядом Чжу Маосань тоже выглядел мрачнее тучи, он совершенно не понимал, почему Чжэнь Вэньцзюнь так выгораживает Бу Цзе.

Чжу Маосань недовольно буркнул:

- Сестрица Чжэнь, почему ты отпустила этого негодяя?

Чжэнь Вэньцзюнь объяснила:

- Этот человек не закоренелый злодей. Просто он так отчаянно искал путь в жизни, что немного "впал в одержимость"¹. Он осознал свои ошибки и осмелился взять на себя ответственность, он подобен необработанному нефриту. Твои нынешние неприятности, братец, были вызваны моими поспешными действиями. Если кого и винить, так это меня. Жена Бу Цзе серьёзно больна и на грани смерти. Если что-то случится с Бу Цзе, это непременно приведёт к разорению его семьи. В Великой Юй сегодня многие уезды опустели, девять из десяти домов пустуют. Я действительно не могу вынести ещё больше человеческих трагедий. К тому же, помимо умения читать знамения небес, он обладает божественным мастерством управления лошадьми. Подозреваю, у него в запасе еще немало талантов, которые он не успел проявить. Будет очень жаль, если мы казним его прямо сейчас.

¹ 癡 (zǒuhuǒ gù mó): Термин из практик совершенствования (цигун), означающий «одержимость» или когда что-то идет не так и человек теряет рассудок. Здесь используется метафорически.

Чжэнь Вэньцзюнь знала, что много лет назад мать Чжу Маосаня тоже была серьёзно больна, но у неё не было денег на лечение. В отчаянии Чжу Маосаню пришлось ограбить аптеку, чтобы спасти мать. Неожиданно этот грубиян, который обычно резал свиней и обладал большой силой, опрокинул аптечную стойку, убив владельца на месте, что привело к его ссылке и

призыву в армию.

Как и ожидалось, на лице Чжу Маосаня появилось некоторое сочувствие. Он махнул рукой и сказал:

- Сестрица Чжэнь, ты добросердечный человек! Ладно! Так и быть, не стану я его преследовать. Когда собираешься в обратный путь? Дай мне угостить тебя хорошей едой!

- Братец, ты так настрадался за эти дни, разве могу я позволить тебе тратиться? Завтра я велю заказать лучший отдельный зал в самой богатой таверне города Тацзян. Прошу тебя, обязательно окажи мне честь своим присутствием! Завтра пьем до победного!

Чжу Маосань с энтузиазмом согласился, сказав, что обязательно будет там завтра вовремя.

Говоря это, они уже достигли подножия горы. Бу Цзе и Чжу Маосань попрощались и ушли. Как только они ушли, Линби оттащила Чжэнь Вэньцзюнь в сторону и прошептала:

- Ты серьезно собралась его угощать?! Очевидно, он пригласил тебя, чтобы ты согласилась на пятьдесят тысяч телег зерна! Где ты найдёшь зерно, чтобы отдать ему, когда увидишь его завтра?

Чжэнь Вэньцзюнь ответила:

- Ван Цзинь уже договорился со мной. Как только я верну всё зерно, он не только вернёт мне моё серебро, но и подарит мне пятьдесят тысяч телег бесплатно.

- Это зерно для госпожи. Неужели ты действительно собираешься отдать их ему?

- Дорогая сестрица, вонь в подвале повредила твой мозг? Как такое возможно?

- Тогда какой у тебя план?

Чжэнь Вэньцзюнь зажала нос и села на Юньчжун Фэйсюэ, сказав:

- Никакого.

Линби остолбенела:

- Как это? И что же ты тогда собираешься делать? Не смотри, что он сейчас называет тебя сестрицей, если ты не отдашь зерно, Чжу Маосань этого так не оставит! На обратном пути он только и трепался своим солдатам о том, как они закатят пир горой, когда получат эти пятьдесят тысяч телег зерна!

- Вот как? Ох, и правда незадача. - с притворно-печальным лицом ответила Чжэнь Вэньцзюнь и пустила коня рысцой прочь.

Линби сердито крикнула:

- Когда завтра этот тип решит свернуть тебе шею, я и пальцем не шевельну, чтобы тебя спасти!

Когда сто тысяч телег зерна были возвращены нетронутыми, и без того маленькие глаза Ван Цзиня сузились в щёлочки. Он осыпал Чжэнь Вэньцзюнь бесконечной благодарностью, называл её всякими почтительными титулами в потоке преувеличенных благодарностей, выглядел так, будто сорвёт крышу от неспособности найти способ отблагодарить её. Он также

выразил сожаление по поводу того, что обманывал её последние несколько дней.

Чжэнь Вэньцзюнь велела ему прекратить эти ложные любезности и серьёзно спросила:

- Позволь спросить тебя, сколько хорошей пахотной земли можно купить на сто пятьдесят тысяч таэлей серебра в Тацзяне?

Ван Цзинь ответил:

- На сто пятьдесят тысяч можно купить как минимум пятьдесят тысяч циней земли. Однако все лучшие поля в Тацзяне находятся в руках этого старого слуги. А самых плодородных полей с устойчивым урожаем наберется едва ли тысяча му. Так что если вы, барышня, надумаете купить землю, вам останутся только участки среднего и низшего качества.

Чжэнь Вэньцзюнь продолжила расспрос:

- Какая возможная урожайность с этих земель среднего и низшего качества?

- Возможность то имеется, но их трудно возделывать, и урожайность относительно низкая.

- Если у тебя всего тысяча му плодородной земли, как же ты умудрился накопить сто тысяч телег зерна? У тебя есть уголья в других округах неподалеку от Тацзяна?

Ван Цзинь кивнул и сказал:

- Вы проницательны, барышня. К югу от Тацзяна, за горой Цзигуань, есть обширные поля. Почва там не плодородная, но земля дешевая. Я уже купил десятки тысяч циней. Изначально я планировал перевезти сто тысяч телег зерна обратно в Нанья, а затем собрать остаток урожая. Если барышня желает купить, я могу передать их вам и помочь вам связаться с местным начальником уезда. В Суду право на куплю-продажу земли находится в руках уездных начальников, и только наладив с ними связи, можно получить наделы.

Чжэнь Вэньцзюнь сложила руки и сказала:

- Тогда я поручу это дело вам, господин Ван. У меня здесь пять тысяч таэлей, пожалуйста, используйте их, чтобы компенсировать семьям тех, кто упал с обрыва в тот день. Что касается кражи Бу Цзе ваших зерновых телег, согласны ли вы уладить этот вопрос?

Ван Цзинь взял серебро с ухмылкой и сказал:

- Конечно, конечно. Будьте уверены, барышня, я обязательно приложу все усилия, чтобы купить эту землю для вас.

На следующий день, ближе к полудню, Линби заметила, что Чжэнь Вэньцзюнь взяла с собой кинжал, когда выходила на встречу с Чжу Маосанем. Она насмешливо сказала:

- Что, теперь и ты узнала, что такое страх? Если попросишь меня хорошенько, может, я и спасу твою маленькую обезьянью шкуру. Навыки Чжу Маосаня не идут ни в какое сравнение с моими.

Чжэнь Вэньцзюнь поддразнила её:

- Сестрица Линби, ты и впрямь сурова снаружи, но добра внутри. Вечно у тебя язык как нож, а сердце мягкое, как тофу. Ты просто не можешь смотреть, как я попадаю в беду.

Линби плюнула:

- Тьфу! Бесстыжая! Кто это тут за тебя переживает?!

Громко рассмеявшись, Чжэнь Вэньцзюнь выехала на коне, а Линби и несколько слуг следовали за ней в повозке.

Когда они прибыли в постоянный двор в городе Тацзян, Чжу Маосань действительно явился, как и обещал, и тепло приветствовал Чжэнь Вэньцзюнь. Чжэнь Вэньцзюнь также ответила взаимностью, называя друг друга братом и сестрой, обмениваясь с ним тостами. После трёх кругов вина Чжу Маосань заговорил о пятидесяти тысячах телег зерна:

- Те пятьдесят тысяч телег, что пожаловал господин Вэй, тебе, сестрица, незачем везти самой, это лишние хлопоты. Я как раз сегодня привел с собой людей, пусть они их и заберут.

Чжэнь Вэньцзюнь глупо хихикнула и сказала:

- Есть ещё одно дело, и я не знаю, как тебе сказать, старший брат.

Чжу Маосань бодро ответил:

- Нет ничего такого, о чём мы не могли бы поговорить как брат и сестра, просто говори, что у тебя на уме, сестрица!

Чжэнь Вэньцзюнь поклонилась Чжу Маосаню и выложила всю правду:

- На самом деле я прибыла в Суду по приказу собрать зерно. Я и подумать не могла, что старый прохвост Ван Цзинь осмелится меня обмануть, поэтому мне и пришлось пойти на крайние меры и просить тебя, брат, вмешаться и восстановить справедливость. Эти пятьдесят тысяч телег я обязана доставить обратно в Великую Юй и не могу передать тебе. Обстоятельства вынуждают меня так поступить. Ты всегда славился своей верностью и благородством, так что очень надеюсь на твое понимание и прощение.

Лицо Чжу Маосаня, багровое от паров вина, на мгновение застыло, он словно не сразу осознал смысл слов Чжэнь Вэньцзюнь. Но стоило ему понять правду, как он с силой грохнул кулаком по столу, заставив остальных посетителей ресторана вздрогнуть и обернуться.

В ярости он выхватил боевой топор из рук своего подчиненного и одним ударом разнес деревянный стол в щепки. Вино и еда разлетелись по полу. Он прорычал:

- Ах ты, паршивка! Вздумала водить дедушку за нос?! Сегодня эти пятьдесят тысяч телег зерна я заберу любой ценой!

Линби обнажила меч и шагнула вперёд, крикнув:

- Посмотрим, кто посмеет действовать опрометчиво!

Сопровождающие тоже вскочили, гневно взирая на противников. Обстановка накалилась до предела, воздух буквально зазвенел от напряжения. Однако Чжэнь Вэньцзюнь, ничуть не растерявшись, лишь крепче сжала чашу в руке и невозмутимо произнесла:

- О, братец, братец, ты слишком поспешен. Ты не дослушал меня, а уже кидаешься в драку. Да, эти пятьдесят тысяч телег я должна увезти, зато в будущем ты сможешь каждый год без труда получать по тридцать тысяч телег прибыли. За два года это уже шестьдесят тысяч. Достаточно,

чтобы содержать Аннаньскую армию и даже продавать местным знатым семьям, даже останется и на выпивку. Но если ты убьёшь меня здесь, пятьдесят тысяч телег зерна, уже перевезённых за город, будут захвачены кем-то другим, и ты останешься ни с чем. Конечно, ты должен понимать принцип: лучше научить человека рыбачить, чем просто дать ему рыбу.

- Тридцать тысяч телег каждый год? Откуда ты возьмёшь столько зерна? - спросил её Чжу Маосань.

- Вся плодородная земля в Суду была куплена и продана, осталась только дешёвая, никому не нужная бесплодная почва. Однако, как и с боевыми конями, даже самая бесплодная земля может давать зерно, если кто-то усердно её возделывает. Я уже поручила Ван Цзиню купить пятьдесят тысяч циней бесплодной почвы в соседнем уезде. Хотя земля неплодородная, она обширна. Я найму опытных местных арендаторов², чтобы они её возделывали. Даже если она не будет давать сто тысяч телег ежегодно, пятьдесят тысяч всё равно достижимо. В то время ты, старший брат, получишь львиную долю, наслаждаясь выгодами без каких-либо усилий. Разве это не прекрасная сделка?

²佃戶 (diàn hù): Крестьяне-арендаторы, которые обрабатывают чужую землю за долю урожая.

За эти несколько дней Чжу Маосань своими глазами убедился, на что способна эта девчонка. Теперь, когда она говорила так уверенно и складно, он невольно поверил ей на несколько долей, но все же допытывался:

- Ты-то здесь явно не останешься. Когда ты уедешь, кто будет присматривать за арендаторами? Неужели ты ждешь, что я, старина Чжу, буду этим заниматься?

- Нет-нет, я уже нашла подходящего человека. - как только Чжэнь Вэньцзюнь произнесла это, Линби бросила на неё изумленный взгляд, который так и говорил: «Ты же не меня имеешь в виду, а?!»

Чжу Маосань спросил:

- Кто это?

- Бу Цзе.

- Он? Разве ему можно доверять?

Чжэнь Вэньцзюнь пересказала всем, что произошло, когда Бу Цзе пришёл к ней прошлой ночью.

После того, как Бу Цзе вернулся домой, он нашёл лекаря, чтобы вылечить свою жену. Лекарь прописал несколько дорогих лекарств, и Бу Цзе спросил, чем больна его жена и сколько она проживёт. Лекарь сказал, что болезнь госпожи несерьезна, пока лекарство принимается не прерываясь, она должна поправиться после полумесяца отдыха.

Эта доза лекарства стоила десять таэлей серебра, и Бу Цзе понял, что без двухсот таэлей, данных Чжэнь Вэньцзюнь, его жена могла бы не выжить.

Устроив все домашние дела и велел сыну хорошенько заботиться о матери, он снял верхнюю одежду, привязал к спине длинный меч и отправился на постоянный двор, где остановилась Чжэнь Вэньцзюнь, чтобы извиниться со связкой терновника на спине³.

³俯首称辜 (fù jǐng qǐng zū): «Принести терновые розги и просить наказания» - классическая идиома, означающая чистосердечное признание вины и готовность понести любое наказание. Пучок шипов : Ношение пучка шипов на спине во время извинений - это традиционный китайский жест глубокого раскаяния и покаяния, символизирующий готовность человека терпеть боль в знак его искренности.

Чжэнь Вэньцзюнь, увидев его в таком виде, сочла это зрелище не самым пристойным. Она поспешила поднять его и набросила на него одежду, чтобы прикрыть его выпирающие ребра.

- Мне не нужны твои извинения. Если бы ты умер, это была бы большая потеря такого редкого таланта. Если ты согласен, у меня есть одно хлопотное дело, для которого я не могу найти талантливого человека. Боюсь, ты можешь счесть эту задачу слишком мелкой и почувствовать себя обиженным, думая, что это пустая трата твоего большого таланта.

Бу Цзе преклонив колени, сказал:

- Ваша милость наделена чистой душой и выдающимся умом! Бу Цзе готов служить вам до самой смерти, храня верность и отдавая все свои силы и мудрость!

Чжэнь Вэньцзюнь тогда попросила его остаться и управлять пахотными землями, поинтересовавшись, есть ли у него стратегии для улучшения почвы. Бу Цзе ответил:

- В «Цимин Яошу»⁴ сказано: «Твердую почву следует смягчать, а слабую укреплять; главное - привести землю в равновесие».

⁴齐民要术 (Qí mǐn yào shù): «Основные методы для благополучия народа» - реально существующая древнекитайская сельскохозяйственная энциклопедия VI века.

Бу Цзе был чрезвычайно эрудирован: он мог обстоятельно рассуждать на любую затронутую тему. Чжэнь Вэньцзюнь передала все слова Бу Цзе Чжу Маосаню. Тот, хоть и не был силен в грамоте, за годы военных походов повидал немало мест и почувствовал, что в словах Чжэнь Вэньцзюнь есть разумное зерно.

То, что Бу Цзе добровольно перешел к ней на службу и стал её первым советником, было планом, который Чжэнь Вэньцзюнь наметила еще в тот момент, когда только начала распутывать этот клубок интриг. Возможность на время покинуть Вэй Тинсуй выпадала редко, поэтому ей нужно было спешить: расставлять своих людей и возвращать собственную силу. Этих людей нельзя было забрать с собой, так как Вэй Тинсуй была очень бдительна и не позволила бы незнакомцам находиться рядом с ней. Оставить их в Суду для ведения дел было идеально, и Бу Цзе был идеальным кандидатом. Теперь, когда он был покорён её расчетливостью и милосердием, можно было рассчитывать и на процветание земель, и на известия о матери.

Никому не говоря ни слова, Чжэнь Вэньцзюнь тайно поручила Бу Цзе в летнее время, когда работы на полях немного, отправиться в Великую Юй на поиски её матери и это было самым важным делом. Только вернув мать, она сможет перестать быть пешкой в чужих руках. Бу Цзе был исключительно сообразителен, и с его способностями у него действительно был шанс преуспеть в поисках.

После того, как она описала физические характеристики своей матери Бу Цзе немного замаялся: из слов Чжэнь Вэньцзюнь он почувствовал, что есть вещи, о которых ей неловко говорить прямо. Однако он не стал расспрашивать лишнего, лишь пообещал сделать всё возможное для поисков.

Тем временем Чжу Маосань принял условия Чжэнь Вэньцзюнь, заявив, что тридцать тысяч телег зерна - это обязательный минимум. Радуюсь, что удалось избавиться от такой огромной проблемы, Чжэнь Вэньцзюнь решила закрепить успех, чтобы он не передумал, и сама предложила стать побратимами⁵:

⁵ 异姓兄妹 (yìxìng xiōngmèi): Названные брат и сестра (буквально «брат и сестра с разными фамилиями»). Это серьезная клятва верности в китайской культуре.

- Брат Чжу и я с самого начала нашли общий язык и разделяем одни и те же идеалы. Почему бы нам сегодня не совершить обряд и не стать названными братом и сестрой?

Линби чуть не расхохоталась в голос: эта «обезьянка» действительно способна на что угодно ради дела.

Сказав это, Чжэнь Вэньцзюнь уже собралась было подготовить всё необходимые для обряда свинину, рыбу, яйца и вино, но Чжу Маосань бесцеремонно оттащил её назад.

- А ну постой, девчонка, не болтай лишнего! Тридцать тысяч телег зерна - это дело будущего, но ты сначала обманула меня, и мне, старому Чжу, трудно проглотить эту обиду. Да и перед подчиненными мне совестно! Если сможешь выстоять против моего топора три удара, тогда я признаю твое превосходство и совершу обряд братания. С того момента станем братом и сестрой, поклянемся перед богами делить жизнь и смерть! Если ты не выдержишь ударов, не вини Старого Чжу за беспощадность!

Чжэнь Вэньцзюнь ни секунды не колебалась. Выкрикнув звонкое «Идет!», она выхватила меч у одного из солдат и, выпятив грудь, заявила:

- Брат Чжу настоящий мужчина, чье слово твердо, как сталь! Я приму твои три удара!

<http://bllate.org/book/17227/1616973>